

Откровенія смерти.

(Послѣднія произведенія Л. Н. Толстого)

(Окончаніе) *)

VI.

Cogito, sum — certum est quia impossibile. Вотъ, что, собственно говоря, *думалъ* Толстой, когда призывалъ людей покориться «разуму». И онъ зналъ, слишкомъ хорошо зналъ, до какой степени его «теорія познанія» — вѣдь въ этихъ немногихъ словахъ формулирована цѣлая теорія познанія — заключаетъ въ себѣ вызовъ всѣмъ традиціоннымъ самоочевиднымъ истинамъ. И даже больше, чѣмъ вызовъ: здѣсь уже окончательный, послѣдній разрывъ съ традиціями «общаго міра», разрывъ, послѣ котораго человѣку ничего не остается сказать себѣ, кромѣ того, что сказала Толстой въ «Запискахъ Сумасшедшаго»: «Они признали меня... въ здоровомъ умѣ. Они признали, но я то знаю, что я сумасшедшій».

Но, развѣ это не бессмыслица — теорія познанія сумасшедшаго? Можетъ-ли быть у сумасшедшаго познаніе? И теорія? Вообще, можно-ли слушать Толстого послѣ сдѣланныхъ имъ самимъ признаній? Этихъ вопросовъ обойти нельзя.

*) См. № 1 „Современныхъ Записокъ“.

Аристотель такъ начинаеть свою «Метафизику»: Πάντες άνθρωποι τοῦ εἶδέναι ἀρέσονται φύσει — что значить: по природѣ все люди стремятся къ познанію. Въ свою очередь одинъ изъ замѣчательныхъ современныхъ философовъ, Бергсонъ, устанавливаетъ слѣдующее основоположеніе для своей теоріи познанія: Originellement nous ne pensons que pour agir. C'est dans le monde de l'action que notre intelligence a été coulée. La spéculation est une luxe tandis que l'action est une nécessité. Со второй половиной утвержденія Бергсона нельзя не согласиться: созерцаніе есть точно -- роскошь, а дѣйствіе — необходимость. Но едва-ли правильно отсюда заключать, что люди прежде дѣйствуютъ, а потомъ размышляютъ. Ибо это предполагаетъ еще одно, невыявленное въ разсужденіи, допущеніе: люди заботятся прежде всего о необходимомъ и о роскоши вспоминаютъ, когда уже есть все необходимое. Такое допущеніе — уже произвольно, точнѣе подсказано наблюдениемъ надъ будничной жизнью отягченнаго заботами городского или сельскаго обывателя. «Необходимость» создается особыми, случайными, преходящими условіями земного существованія — «по природѣ» же живое существо прежде всего стремится къ роскоши и лишъ, когда не удается добиться высшей цѣли, принимаетъ необходимое. Молодые животныя — играютъ, и только умудренныя опытомъ борятся за «существованіе», ограничиваютъ себя необходимымъ. Даже люди, выросшіе въ нуждѣ и лишеніяхъ, только примиряются съ необходимостью и примиряются, стиснувъ зубы. Конечно, мы охотно выставляемъ какъ моральный принципъ и предѣлъ для ближнихъ необходимость и разные Existenz-minimum'ы: иначе не справишься съ людьми. Но это изъ тѣхъ законовъ, которые не природа диктуетъ человѣку, а человѣкъ природѣ. И Аристотель былъ ближе къ истинѣ, чѣмъ Бергсонъ. Знать, мыслить (с'agir — въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому слову Декартъ) — основная, природная потребность человѣка, сущность его жизни. Правда — и въ этомъ нужно согла-

ситься съ Бергсономъ, — наше стремленіе къ познанію, въ условіяхъ земного существованія съ его борьбой за насущный хлѣбъ, деформируется, обезображивается. Но, это уже состояніе согрѣшившаго, падшаго человѣка. Въ раю, гдѣ все было, не было необходимости «дѣйствовать». Только изгнанники изъ рая стали предъ дилеммой: дѣйствуй или погибни. Надъ ними тяготѣетъ Божье проклятіе: въ потѣ лица своего будешь добывать хлѣбъ свой. Но «анамнезисъ» о потерянномъ раѣ до сихъ поръ живетъ въ человѣкѣ, и Аристотелевская фраза — фраза человѣка, который на 2500 лѣтъ ближе къ Адаму, свидѣтельствуетъ, что онъ твердо помнитъ то, о чемъ мы забыли или почти забыли. Мы, вѣдь, и платоновскій «анамнезисъ» считаемъ не научнымъ и охотнѣе, когда наталкиваемся на соответствующія явленія, говоримъ объ атавизмѣ. Едва-ли, однако, мы правы въ своемъ пренебреженіи къ Платону. Самъ Платонъ, какъ и всѣ греки, относился съ благоговѣніемъ къ мудрости до него жившихъ людей. *Οἱ μὲν παλαιοί, κρείττους ἡμῶν καὶ ἐγγυτέρως θεῶν οὐρούσας* — древніе, лучшіе, чѣмъ мы и живущіе ближе къ богамъ, говорилъ онъ (Р. II, 16). И Плотинъ также думалъ и всегда писалъ: *παλαιοὶ καὶ μακάριοι φιλόσοφοι* — древніе и блаженные философы. Такъ что никакъ не слѣдуетъ отрицать анамнезисъ, и Бергсонъ былъ бы ближе къ истинѣ, если бы вмѣсто *originell'men*, что соответствуетъ греческой *φύσις*, «по природѣ», сказалъ бы *dispaînement*. И, пожалуй, адекватнѣе выразилъ-бы свою собственную, во многихъ отношеніяхъ очень важную и богатую послѣдствіями мысль.

Теперь вопросъ. Мы убѣдились, что разумъ не способенъ познавать истины, по своей-ли природѣ, какъ думаетъ Бергсонъ, или, какъ мнѣ кажется болѣе правильнымъ, потому, что онъ измѣнилъ своей природѣ и такъ внутренне переродился, что можетъ давать намъ только практически полезныя положенія, помогающія въ борьбѣ за существованіе. Но, что тогда станется съ философійей? Вѣдь философія не гонится за практически

полезнымъ. И не удовлетворяется Existenz-minimum'ами. Она ищетъ, какъ говоритъ Плотинъ, τὸ τριώτατον — самага значительнаго, самага важнаго. Не просто «жить» долженъ человекъ — ζῆν, а εὖ ζῆν — достойно жить, говорили древніе. Философіи нужна истина. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ принято думать, единственнымъ источникомъ познанія истины можетъ быть разумъ. Какъ выйти изъ этого положенія? Начать «перевоспитывать» нашъ разумъ, въ надеждѣ вернуться къ тому состоянію «до грѣхонаденія», о которомъ повѣствуетъ легенда? Но разумъ не поддается перевоспитанію. Да и кто его перевоспитывать будетъ? Разумъ-же? Бергсонъ, какъ и нѣкоторые другіе выдающіеся современные философы, (Гуссерль въ Германіи) говоритъ объ интуиціи. Но интуиція вѣдь плоть отъ плоти, кость отъ кости, родное дѣтище разума, и впередъ можно быть увѣреннымъ, что въ ней наследственно скажутся всѣ пороки ея родителя. Такъ и получается у Бергсона. Онъ самъ попадаетъ въ «заколдованный кругъ», котораго онъ такъ тщательно старался избѣгнуть. Не смотря на всѣ напряженія и предосторожности, разумъ неизмѣнно продолжаетъ свое привычное дѣло и, вмѣсто истины, подсовываетъ полезныя для дѣйствія и, потому, общеубѣдительныя, самоочевидныя сужденія. Интуиція длительности не можетъ ввести насъ въ ту особенную и сложную, всю сплошь сотканную изъ непредвидѣнностей, капризную и вѣчно хаотическую внутреннюю жизнь человека. Динамика такъ же механистична, какъ и статика, въ движеніи вы такъ же мало откроете истоки жизни, какъ и въ покоѣ. Бергсонъ всѣми силами стремится освободиться отъ власти общихъ понятій, но разумъ, который не можетъ и не хочетъ отказаться отъ своей миссіи, направляетъ его вниманіе на «наше я» — и «перерабатываетъ» сознаніе человека, т. е. то, что, по мнѣнію самага Бергсона, является неповторимымъ и ни къ чему не сводимымъ *par excellence*, въ мѣсто проложенія (*lieu de passage*) или во временнаго обладателя

(*dépositaire*) жизненнаго порыва (*élan vital*), т. е. въ одно изъ тѣхъ общихъ понятій, отъ которыхъ онъ такъ вдохновенно самъ же насъ предостерегалъ. А въ *Evolution creatrice* разумными доводами доказывается первичность идеи порядка, и отвергается представление о хаосѣ, какъ внутренне противорѣчивое. Т. е. разуму торжественно возвращаются все отнятыя было у него суверенныя права. Совсемъ какъ у крайняго рационалиста Гуссерля, разумъ объявляется непогрѣшимымъ напои: *Resma locuta, causa finita*.

Здѣсь не мѣсто, конечно подвергать, болѣе обстоятельному разбору философію Бергсона. Скажу только — и здѣсь это сказать умѣстно, даже необходимо—когда я теперь, прѣйхавъ за границу, получить, наконецъ, возможность ознакомиться съ книгами Бергсона, я былъ неслыханно пораженъ. Какой-то рокъ тяготѣлъ надъ философіей. Съ Бергсономъ повторилось то-же, что было и съ Декартомъ. И ему блеснулъ свѣтъ великой истины — но онъ захотѣлъ отдать ее людямъ и — забыть все, что видѣлъ. Истина не выноситъ общаго владѣнія — и обращается въ невидимку при первой попыткѣ извлечь изъ нея пользу, включить ее въ «общій для всехъ міръ». Бергсонъ и это знаетъ: оттого онъ такъ часто и настойчиво повторяетъ въ своихъ сочиненіяхъ, что только великіе художники, освободившіеся отъ власти общихъ понятій, могутъ проникнуть и правдиво изобразить внутреннюю жизнь человѣка. Но, тогда вѣдь у нихъ—и только у нихъ—философія должна искать «неносредственно даннаго», и соблазнить внѣшне убедительной очевидности разумныхъ обоснованій долженъ быть во что бы то ни стало преодолѣтъ. Можетъ быть, если бы оброненное имъ какъ бы вскользь еще въ первой книгѣ замѣчаніе о «безосновности» истины замѣнило бы ему идею интуиціи длительности, онъ не сталъ бы, вопреки самому духу своей философіи, утверждать, что «наше я, непогрѣшимо въ своихъ непосредственныхъ констатированіяхъ» (*notre moi, infallible dans*

ses constatations immédiates), ибо «ваше я» есть уже нѣчто общее, есть «сознаніе вообще», т. е. тотъ падшій разумъ, безсиліе котораго, за предѣлами, конечно, его ограниченныхъ sub specie aeternitatis функций, Бергсонъ самъ обнаружилъ съ такой благородной смѣлостью и беспощадностью. Но за то онъ бы разсказалъ, можетъ быть, намъ объ «единомъ» Плотина, къ которому онъ былъ, повидимому, такъ близокъ по устремленіямъ, или даже не побоялся бы взять подъ свою защиту «анамнезисъ» Платона или хоть бы самого демона Сократа. Можетъ, вспомнилъ бы объ изгнанномъ изъ философіи *κλειστός* и *εχρηστικά πνευματικά*. Вѣдь все же древніе были лучше насъ и жили ближе къ богамъ, хотя не умѣли ни летать по воздуху, ни переговариваться межъ собой за тысячи верстъ! Но, для этого, повторяю, нужно было не забывать открышейся ему истины: наша логика, логика людей, добывающихъ хлѣбъ въ потѣ лица, въ корнѣ извратила нашу познавательную способность, приучивши насъ думать такъ, какъ того требуютъ интересы нашего земного устроенія. Знать, думать можетъ только тотъ, кому *ничего дѣлать*,*) кто «случайными» *par excellence* обстоятельствами выброшенъ изъ общаго вѣмъ міра и, предоставленный себѣ, и только себѣ, постигаетъ, что истина, по самому существу своему, не можетъ быть необходимой и общеобязательной. Для такого чело- вѣка «случай», столь гонимый и презираемый наукой и «нашимъ я», становится главнымъ предметомъ любознательности. Онъ рѣшается воспринимать, цѣнить и даже выявлять скрытое въ «случайномъ» и невидное для озабоченнаго земными дѣлами и подавленнаго общественными требованіями разума откровеніе...

Такимъ былъ послѣдній великій философъ древности — Плотинъ. Такимъ былъ и Толстой.

Въ разобранныхъ нами выше посмертныхъ произведеніяхъ Толстой еще оставляетъ нѣкоторую возможность

*) Подробно объ этомъ см. мой «Апоэозъ безпощадности», часть II § 2, 17 и другія мѣста тамъ-же.

участія въ общей жизни своимъ героямъ. Они еще поучаютъ людей, борятся, что-то, значить, дѣлаютъ, и еще надѣются на декартовское *ergo* или бергсоновское «непогрѣшимое общее я». Но у Ивана Ильича и у Брехунова*) нѣтъ ни возможности, ни надобности ни поучать людей, ни вообще что бы то ни было дѣлать. Оба они умираютъ, т. е. перестаютъ существовать для общаго всѣмъ міра. Казалось бы, при такихъ условіяхъ и писать не о чемъ. Если бы Толстому и въ самомъ дѣлѣ присуще было то вѣрнопопданнѣйшее отношеніе къ разуму, о которомъ онъ такъ часто и громко говорилъ, то ему не слѣдовало даже и заминцить разсказа на столь явно неразумную тему, какъ смерть. Человѣкъ умираетъ—его похоронить нужно. Развѣ предъ судомъ разума не праздное, чтобъ не сказать сильнѣе, любопытство подматривать и подслушивать, что происходитъ въ душѣ умирающаго?

Но Толстого судъ разума нисколько не беспокоитъ. Когда нужно было, онъ угѣлъ идти къ своей цѣли, не испрашивая предварительнаго согласія у подлежащихъ властей. Когда нужно было, онъ не боялся и самъ разумъ привлекать къ суду.

И Иванъ Ильичъ, и Брехуновъ вѣ достигеній разума: оба умираютъ въ совершенномъ одиночествѣ. Толстой умышленно отрѣзываетъ ихъ отъ всѣхъ людей, отъ всякаго «дѣланія» и отъ всѣхъ источниковъ, изъ которыхъ мы черпаемъ обыкновенно жизненные силы. «Нельзя было себя обманывать: что-то страшное, новое и такое значительное, чего значительнѣе никогда не было съ Иваномъ Ильичемъ, совершалось въ немъ. И онъ *одниъ* зналъ про это, всѣ же окружающіе не понимали и не хотѣли понять этого и думали, что все идетъ по-прежнему». «Жить такъ, на краю гибели, надо было *одному*, безъ одного человѣка, который бы понималъ и пожалѣлъ его». Мало того, что никто не хотѣлъ по-

*) Въ «Смерти Ивана Ильича» и въ «Хозяинѣ и Работникѣ».

нять и пожалѣть его — для всѣхъ, даже самыхъ близкихъ людей, для жены, для дѣтей онъ сталъ тяжелой, неприятной, раздражающей и возмущающей обузой. Никто не вѣрилъ и не могъ вѣрить, что съ Иваномъ Ильичемъ происходитъ что-то столь страшно новое и значительное, чего значительно никогда въ немъ не происходило, какъ не вѣрили и домочадцы Николая Ивановича, когда онъ пытался посвящать ихъ въ свои откровенія. Всѣ были глубоко и искренно убѣждены, что Иванъ Ильичъ неправомѣрно, прямо преступно нарушаетъ своими капризами заведенный и признанный порядокъ жизни. Нельзя было ни выѣзжать въ театръ, ни устраивать дочь, ни покупать наряды — ничего нельзя было «дѣлать». Но—съ другой стороны—нельзя же было остановить нормальное теченіе жизни только потому, что съ Иваномъ Ильичемъ случилось что-то, по его «особенному» мнѣнію необыкновенное, но, по мнѣнію всѣхъ остальныхъ, такое, что происходитъ сплошь и рядомъ и что никого ни удивлять не должно и не должно возбуждать ни вопросовъ, ни тревоги.

Окружающіе разсуждали, какъ училъ Эпиктетъ. Когда мы слышимъ, что умираетъ кто-либо, для насъ далекій и чуждѣй, —мы остаемся спокойными и говоримъ, что то, что произошло, произошло по неизмѣннымъ и непреложнымъ законамъ природы. Стало быть, хотя Иванъ Ильичъ и близкій намъ человѣкъ, но ни ради него, ни ради насъ существующій порядокъ не можетъ и не долженъ допускать отступленій. Это самоочевидная истина, отрицать которую не можетъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ. Окружающіе дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобъ поддержать привычный и понятный для нихъ строй жизни. Они стараются поудобнѣй устроить больного, зовутъ дорогихъ врачей, подаютъ ему въ назначенные часы лекарства, придумываютъ для него маленькія развлеченія—но все это не только не успокаиваетъ, но еще больше волнуется и раздражаетъ Ивана Ильича. Въ *этомъ* онъ видитъ твердое и непоколебимое убѣжденіе, что «объективный поря-

докъ», выразителями котораго являются его домашніе, не хочетъ признать и серьезно считаться съ его новычи, необычайными переживаніями. Домашнимъ еще мало, что они сами не признають серьезности того, что происходитъ съ Иваномъ Ильичемъ. Они, по имя разума, обладателя обязательныхъ для всѣхъ истинъ, требуютъ, чтобъ Иванъ Ильичъ и самъ не считалъ этого серьезнымъ, ибо вѣдь не можетъ быть двухъ истинъ, одной для всѣхъ и одной для Ивана Ильича. Это больше всего и вызываетъ въ немъ припадки гнѣвнаго, прямо бѣшеннаго возмущенія противъ всѣхъ людей, съ которыми онъ соприкасается, и благодаря этому вокругъ его постели понемногу создается кошмарная атмосфера, совершенно изолирующая его отъ вѣшняго міра. Онъ грубо, почти непристойно и безъ всякаго повода обижаетъ и жену, и дѣтей, и нареченнаго зятя, судебного слѣдователя, и навѣщающихъ его врачей. Иванъ Ильичъ добивается отъ нихъ невозможнаго. Онъ хочетъ, чтобъ они, вслѣдъ за нимъ, признали то новое и небывалое, что въ немъ происходитъ, за самое важное, что бываетъ на свѣтѣ, и чтобы ради этого новаго они все бросили и забыли и, вмѣстѣ съ нимъ, дерзнули возстать противъ существующаго въ мірѣ уклада. Онъ, въ свой чередъ, продолжаетъ еще думать, что если онъ правъ, то его правота обязываетъ всѣхъ поддерживать его. Правота непризнанная, никѣмъ не поддержанная, ему не нужна, да и правота ли это?

Но окружающіе не могутъ ни идти за Иваномъ Ильичемъ, ни даже постичь того, что съ нимъ происходитъ. У нихъ нѣтъ для этого ни силъ, ни вдохновенія, какъ не было у самого Ивана Ильича до болѣзни. Нормальный человѣкъ можетъ жить только тогда, когда онъ идетъ вслѣдъ за всѣми и со всѣми, когда его поддерживаетъ и космическій, и общественный порядокъ. Одинокія, самочинныя дерзанія вызываютъ негодованіе въ людяхъ и кажутся величайшимъ преступленіемъ противъ людей и противъ Бога. Всѣ требуютъ, чтобъ Иванъ

Ильичъ прежде всего смирился и покорился необходимости. „Страшный, ужасный актъ его умираиія, онъ видѣть, всеми окружающими его быть низведенъ на степень случайной неприятности, отчасти неприличія— тѣмъ самымъ приличіемъ, которому онъ служилъ всю свою жизнь“ „Приличіе“—этимъ словомъ Толстой называетъ то, что принято называть общественнымъ и космическимъ порядкомъ, тотъ «общій міръ» бодрствующихъ людей, которому Аристотель противопоставлялъ особенные міры сповидцевъ. Умирающій—тотъ же сповидецъ, только противъ собственной воли вырывающійся изъ общаго для всѣхъ міра?

Толстой подробно рассказываетъ намъ прежнюю жизнь Ивана Ильича. Онъ не только не дерзаетъ возставать противъ законовъ природы— онъ боялся малѣйшаго нарушенія заведенныхъ людьми порядковъ, даже правилъ приличія. Чутьемъ онъ всегда отгадываетъ направление къ протореннымъ и утоптанымъ большимъ дорогамъ и въ этомъ и онъ самъ и другіе видѣли его даръ, за это его цѣнили и любили. Теперь онъ съ ужасомъ и совершеннымъ недоумѣніемъ оглядывается на свое прошлое. Въ своемъ дарѣ и готовности и самому подчиниться, и другихъ подчинить опредѣленному, строгому, неизмѣнному порядку онъ видитъ уже не благословеніе, а проклятiе. И хотѣлъ-бы добиться, чтобы всѣ, непременно всѣ увидѣли то-же, что и онъ видитъ. Въ немъ прочнѣе всего держится убѣжденіе, что только то—истина, что признается всеми людьми, къ признанію чего всякій можетъ быть принудительно приведенъ. Но ему ясно, что его «новое» ни въ комъ не возбуждаетъ сочувствія и никогда никѣмъ признано не будетъ. Для всѣхъ, кромѣ него—самоочевидная истина, что его умираиіе—только «случайность», что ему нужно идти на смарку, нужно уступить «случайнаго» себя ради торжества и побѣды вѣчнаго, безличнаго строя и порядка, ради того разума, который онъ самъ недавно еще прославлялъ, какъ единственный источникъ му-

дрости и справедливости. Да и теперь — и въ этомъ весь ужасъ и вся безысходность его положенія — онъ внутренно продолжаетъ считать правымъ не себя, а всѣхъ. Оттого-то онъ такъ и ненавидитъ окружающихъ, что чувствуетъ и право, и *силу*, охраняющую право, на ихъ сторонѣ. Если-бы можно было — онъ съ величайшей радостью ѣздилъ-бы въ судъ, игралъ въ винтъ, разговаривалъ о политикѣ и т. п. И вдругъ *ему* все это нельзя. Тотъ-же вѣчный порядокъ, который съ рожденія всегда его поддерживалъ и которому онъ такъ честно служилъ, вдругъ обратился противъ него — и нисколько не стѣсняется такимъ подлымъ предательствомъ, даже не находитъ нужнымъ привести въ свое оправданіе какія-бы то ни было объясненія. « Было такъ — теперь такъ » — ни мольбы, ни увѣщанія не помогутъ. Иванъ Ильичъ изверженъ изъ «общаго всѣмъ міра», изъ своей природной, естественной стихіи, которую онъ такъ любилъ, въ которую такъ вѣрилъ. Всѣ попытки вернуться въ страну отцовъ своихъ, на старое, родное пепелище ни къ чему не приводятъ. Тамъ, гдѣ онъ былъ равноправнымъ и полноправнымъ человѣкомъ — онъ оказывается чистымъ «случаемъ», лишеннымъ покровительства законовъ. Все возстало противъ него съ той неумолимой послѣдовательностью, которая его самого не такъ давно приводила въ восхищеніе. Иванъ Ильичъ все не вѣритъ, что происшедшая съ нимъ перемѣна — есть уже что-то послѣднее, окончательное. Ему кажется, что этого быть не можетъ, что это только тяжелый сонъ, что онъ проснется, что онъ вернется къ прежнему «понятному» бытію. «Онъ пытался возвратиться къ прежнимъ ходамъ мысли, которые заслоняли для него мысль о смерти. Но — странное дѣло! — все то, что прежде заслоняло, скрывало, уничтожало сознаніе смерти, теперь уже не могло производить свое дѣйствіе. Последнее время Иванъ Ильичъ большей частью проводитъ въ этихъ попыткахъ возстановить прежніе ходы чувства, заслонявшаго смерть. То онъ говоритъ себѣ:

« займусь службой, вѣдь я жить-же ею? » И онъ шель въ судъ, отгоняя отъ себя всякія сомнѣнія; вступалъ въ разговоры съ товарищами и садился, по старой привычкѣ разсѣянно, задумчивымъ взглядомъ окидывая толпу и обѣими исхудавшими руками опираясь на ручку дубоваго кресла, такъ-же, какъ обыкновенно, перегибаясь къ товарищу, подвигая дѣло, перешептываясь и потомъ, вдругъ скидывая глаза и прямо усаживаясь, произносить извѣстныя слова и начиналъ дѣло. Но вдругъ въ срединѣ боль въ боку, не обращая никакого вниманія на періодъ развитія дѣла, начинала *свое* сосущее дѣло. Иванъ Ильичъ прислушивался, отгонялъ мысль о ней, но она продолжала свое и *она* приходила и становилась прямо предъ нимъ и смотрѣла на него, и онъ столбенѣлъ, огонь тухъ въ глазахъ, и онъ начиналъ опять спрашивать себя: неужели только *она* правда? Неужели только *она* правда? И всѣ прежнія правды — ихъ было такъ много, и какія славныя, добрыя успокаивающія правды это были! — идутъ на сломъ, какъ старая, ненужная рухлядь? Но, тогда — на что-же опереться? Что предпринять? Что дѣлать? Неужели отказаться отъ человѣческихъ правъ, правъ разумнаго существа, и покорно, безъ борьбы броситься въ темную бездну, какъ загипнотизированная очковой змѣей птица бросается въ пасть чудовища? Разумъ всегда до сихъ поръ выручавшій изъ трудныхъ положеній, разумъ «мыслившій, чтобъ дѣйствовать», напрягаетъ всѣ свои силы. Но придумать ничего не можетъ. Что было хуже всего, это то, что *она* отвлекала его къ себѣ не за тѣмъ, чтобъ онъ *дѣлалъ что-нибудь*, а только для того, чтобъ онъ смотрѣлъ на нее, прямо ей въ глаза, смотрѣлъ на нее и, *ничего не дѣлая*, невыразимо мучился ». Или какъ описываетъ Толстой нѣсколько далѣе: ...«онъ шель въ кабинетъ, ложился и оставался одинъ съ *нею*. Съ глазъ на глазъ съ *нею*, а *дѣлать съ ней нечего*. Только смотрѣть на нее и холодѣть».

VII.

Нечего дѣлать! Только смотрѣть прямо въ глаза ей, этой неизвѣстно откуда явившейся таинственной и странной дѣйствительности. И никто изъ людей не можетъ не только помочь ему, но даже услышать его. Въ этомъ абсолютномъ одиночествѣ, «одиночествѣ среди многолюднаго города и своихъ многочисленныхъ знакомыхъ и семьи, одиночествѣ, полиѣе котораго не могло быть нигдѣ, ни на днѣ моря, ни въ землѣ» и въ полной невозможности что-либо «дѣлать» — то новое, ни съ чѣмъ несообразное и фантастически невѣроятное, что открылось Ивану Ильичу. Не только люди, его прежняя вѣра, основы его міропониманія, сложившіяся за его уже достаточно продолжительную жизнь, оказались лживыми и предательскими. Теряются признаки, по которымъ отличалась явь отъ сна, дѣйствительность отъ иллюзіи. Онъ припоминаетъ свое прошлое, чтобъ въ немъ найти хоть какую-нибудь опору, но и оно какъ бы вступило въ заговоръ съ остальными безчисленными невидимыми врагами его, поставившими себѣ задачей во что бы то ни стало отнять у него все опоры — и оно не поддерживаетъ его. Оно тоже — прежде тихое, спокойное и пріятное превратилось въ страшное чудовище, дышащее на него огнемъ укоровъ и обличеній. «Какъ только начиналось то, результатомъ чего былъ теперешній онъ, Иванъ Ильичъ, такъ все казавшіяся тогда радости — теперь на глазахъ его таяли и превращались во что-то ничтожное и даже гадкое... Женижба такъ печально, и разочарованіе, и запахъ изо рта жены, и эта чувственность, притворство! И эта мертвая служба, и эти заботы о деньгахъ и такъ годъ, и два, и десять, и двадцать, — и все то-же. И что дальше — то мертвѣе. Точно равномерно я шель подъ гору, воображая, что иду на гору. Такъ и было. Въ общественномъ мнѣніи я шель на гору и ровно на столько, на сколько изъ подъ меня уходила жизнь... И вотъ готово — умирай». Вотъ что думаетъ человѣкъ,

которому нечего «дѣлать»: истины «общаго всѣмъ міра» о томъ, что хорошо, что дурно, что реально, что призрачно — есть лишь дьявольское навожденіе, какъ и тотъ «общій всѣмъ міръ», въ которомъ этимъ истинамъ поклоняются.

Правда, въ «Смерти Ивана Ильича» предъ нами исторія средней руки чиновника, и иному можетъ показаться, что именно потому его предсмертныя мысли такъ тяжелы и мучительны, что онъ былъ слишкомъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Но дѣло тутъ не въ обыкновенности Ивана Ильича — а въ обыкновенности «общаго всѣмъ міра», который считается не Иваномъ Ильичемъ, а лучшими представителями человѣческой мысли единственно реальнымъ міромъ. Отецъ Сергій — колоссальная фигура, святой подвижникъ — тѣмъ не менѣе и его Толстой обрекъ при жизни на тѣ-же муки, которыя выпали на долю Ивана Ильича предъ смертью. То-же одиночество, полнѣе котораго не бываетъ и на днѣ морскомъ, тѣ-же ужасы и та-же безвыходность, — совершенная беспомощность и неспособность что-либо сдѣлать для своего спасенія. Толстой меньше всего былъ склоненъ къ культу великихъ людей. На грани иного бытія такъ много «сдѣлавшей» праведникъ, отецъ Сергій и обыкновенный человѣкъ Иванъ Ильичъ — равно безсильны и беспомощны. Предъ лицомъ новой дѣйствительности, въ той кромѣшной тѣмѣ, которой обволакиваетъ Толстой своихъ героев, столь замѣтная при дневномъ свѣтѣ отличія стираются. Больше того: при дневномъ свѣтѣ Толстой самъ не умѣлъ видѣть того, что ему открывалось во тѣмѣ. Какъ негодовать онъ на апостола Павла за его ученіе о спасеніи вѣрой, какъ возмущался онъ Фридрихомъ Ницше за его формулу «по ту сторону добра и зла», вновь воскресившую забытую проповѣдь великаго апостола! И точно, въ «общемъ для всѣхъ мірѣ» вѣрой жить нельзя, въ этомъ мірѣ цѣнятся и нужны дѣла, и въ немъ люди оправдываются не вѣрой, а дѣлами. Но Иванъ Ильичъ уже въ «общій всѣмъ міръ» не вернется. И мысли у него,

у человѣка, который можетъ только глядѣть на «нее», но ничего не можетъ «дѣлать», совсѣмъ иныя. «Такъ что-же это? Зачѣмъ? Не можетъ быть! Не можетъ быть, чтобы такъ безмысленна, гадка была жизнь? А, если точно она такъ гадка и безмысленна, такъ зачѣмъ же умирать и умирать, страдая? Что-нибудь да не такъ. Можетъ быть, я жить не такъ, какъ должно, приходило ему вдругъ въ голову. Но, какъ же не такъ, когда я дѣлалъ все, какъ слѣдуетъ?»— говорили онъ себѣ и тотчасъ же отгонять отъ себя это единственное разрѣшеніе загадки жизни и смерти, какъ невозможное. Чего же ты хочешь теперь? Жить? Какъ жить? Жить, какъ живешь въ судѣ, когда судебный приставъ провозглашаетъ: «судъ идетъ». Судъ идетъ, идетъ судъ, повторилъ онъ себѣ. Вотъ онъ судъ. Да я же не виноватъ, вскрикнулъ онъ со злобой. За что? И онъ пересталъ плакать и, повернувшись къ стѣнѣ, сталъ думать все объ одномъ и томъ же: зачѣмъ, за что весь этотъ ужасъ? Но сколько онъ ни думалъ, онъ не нашелъ отвѣта. И когда ему приходила, какъ она приходила ему часто, мысль о томъ, что все это происходитъ отъ того, что онъ жилъ не такъ, онъ тотчасъ вспоминалъ всю правильность своей жизни и отгонять эту страшную мысль».

Судъ идетъ! Судъ идетъ! Иванъ Ильичъ всю жизнь свою самъ судилъ — онъ знаетъ, что задача правосудія состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлять правыхъ отъ виноватыхъ по одинажды на всегда установленнымъ принципамъ и воздавать всѣмъ по заслугамъ за ихъ дѣла. Но это новое фаггастическое правосудіе — ничего общаго съ земнымъ судомъ не имѣетъ. Для него нѣтъ нормъ и законовъ, для него нѣтъ правыхъ — предъ нимъ всѣ виноваты и особенно тяжело виноваты тѣ, кто подчинялся законамъ и въ добровольномъ подчиненіи законамъ видѣлъ свою добродѣтель.

Этого Иванъ Ильичъ вынести не можетъ — его совѣсть стараго, испытаннаго судьи возмущается противъ такого требованія. Въдѣ новый „страшный“ судъ

стираетъ всякое различіе между добромъ и зломъ! Не Иванъ Ильичъ одинъ — всѣ люди виноваты! «Противишься (смерти) нельзя. Но хоть бы понять, зачѣмъ это? И того нельзя. Объяснить бы можно было, что я жилъ не такъ, какъ надо. Но этого-то уже невозможно признать, говорилъ онъ самъ себѣ, вспоминая всю законность, правильность и приличіе своей жизни. Этого-то допустить уже невозможно, говорилъ онъ себѣ, усмѣхаясь губами, какъ будто кто-нибудь могъ видѣть эту улыбку и быть обманутымъ ею. Нѣтъ объясненія! Мученіе, смерть... Зачѣмъ?» И вѣдь Иванъ Ильичъ правъ, ссылаясь на законность и правильность своей жизни: онъ не одинъ, за нимъ стоитъ весь тотъ общій міръ, къ которому онъ принадлежалъ и который держится этой правильностью и законностью. Если-бы какой-нибудь искусный врачъ исцѣлилъ его, онъ бы снова вернулся въ свой старый судъ охранять ту законность и правильность, которымъ онъ служилъ раньше. Я не хочу этимъ сказать, что жизнь Ивана Ильича была предѣломъ человѣческихъ достиженій. Сущность въ томъ, что на «страшномъ судѣ», открывшемся Толстому (анамнезисъ это или атавизмъ — предоставляю этотъ вопросъ рѣшить современнымъ теоріямъ познанія) высокія жизненные достижения не смягчаютъ невидимаго судіи. И, вообще, намъ повидимому не дано знать, чѣмъ можно смягчить его — есть всѣ основанія думать, что онъ беспощаденъ и неутомимъ въ своихъ приговорахъ. «Зачѣмъ эти муки? И голосъ отвѣчать: а такъ, ни зачѣмъ. Дальше и, кромѣ этого, ничего не было». Если суровый обличитель смягчается, то внезапно какъ-то, по капризу, ни на чемъ не основанному. Отъ законности и правильности, т. е. отъ высшихъ общественныхъ и моральныхъ идеаловъ, нужно безусловно отказаться: всѣ идеалы — добыча моли и ржи. Но кой-что изъ прошлой жизни Ивана Ильича можетъ выдержать испытаніе вѣчности. «Въ дѣлствѣ было что-то такое, дѣйствительно пріятное, съ чѣмъ можно было-бы жить, если-бы оно вернулось». И когда

учился тоже «было кое-что истинно хорошее, тамъ было веселье, тамъ была дружба, были надежды». Потомъ во время первой службы у губернатора: «Это были воспоминанія о любви къ женщинамъ». Какъ мало похоже открытое Толстымъ на страшномъ судѣ «добро» на то добро, которымъ обычно грѣшники откупаются отъ вѣчныхъ мукъ. Какъ мало оно вообще на «добро» походить! И именно потому, что оно не походитъ на добро, оно не подлежитъ суду и осужденію — и пройдетъ сквозь то игольное ушко, черезъ которое не пройдутъ обоготворяемые «общимъ для всѣхъ міромъ» вербоды — «законность и правильность». На страшномъ судѣ «законность» и «правильность» — заодно съ «притязаніемъ» осуждаются, какъ смертный грѣхъ. Осуждаются именно за ихъ «автономность», за то, что онѣ, сотворенныя человекомъ, осмѣлились притязать на вѣчное бытіе. Отъ нихъ, отъ этихъ «идеальныхъ» существей разскалъ Иисусъ, легшихъ въ основу нашей земной жизни, нужно отказаться Ивану Ильичу: смерть перерѣзываетъ всѣ невидимыя нити, которыми мы связаны на землѣ съ себѣ подобными существами. И абсолютное одиночество, полнѣе котораго нѣтъ ни на днѣ морскомъ, ни подъ землей — одиночество, котораго не выносятъ, въ которомъ задыхаются всѣ «законности» и «правильности», т. е. всѣ «идеальныя сущности» по самой природѣ своей, есть условіе и начало преображенія человѣческой души. Ни честная жизнь рядового чиновника — такой была жизнь Ивана Ильича, ни трудное подвижничество отца Сергія на страшномъ судѣ имъ не помогутъ. Наоборотъ отягчать безмѣрно. Обоишь придется отречься отъ «заслугъ» своихъ и все упованіе свое возложить не на свои заслуги или свое прошлое и будущее «дѣланіе», а на благодатный и творческій *случай*, который общій для всѣхъ разумъ такъ презрительно отвергаетъ. Ивану Ильичу «пришло въ голову, что то, что представлялось ему прежде совершенной невозможностью, то, что онъ прожилъ свою жизнь не такъ, какъ

должно быть, что это могло быть правда. Ему пришло въ голову, что тѣ его чуть замѣтныя поползновенія борьбы противъ того, что выше поставленными людьми (не только непосредственнымъ начальствомъ, но и мудрецами сего міра) считалось хорошимъ, поползновенія чуть замѣтныя, которыя онъ отчасти отгонялъ отъ себя, что они и могли быть настоящія, а остальное все могло быть не то. И его служба, и его семья, и эти интересы общества и службы, все это могло быть не то. Онъ попытался защитить предъ собою все это. И вдругъ почувствовалъ *всю слабость* того, что онъ защищалъ. И защищать было нечего. А если такъ, — сказалъ онъ себѣ, — и я ухожу изъ живыхъ съ сознаніемъ того, что погубилъ все, что мнѣ дано было, а поправить нельзя — тогда что-жъ? Онъ легъ навзничъ и сталъ совсѣмъ по-новому перебирать всю свою жизнь. Когда утромъ онъ увидалъ лакея, потомъ жену, потомъ дочь, потомъ доктора, каждое ихъ движеніе, каждое ихъ слово подтверждало для него ужасную истину, открывшуюся ему ночью. Онъ въ нихъ видѣлъ себя, все то, чѣмъ онъ жить и ясно видѣлъ, что все это было не то, все это было *ужасный, огромный обманъ*, закрывающей и жизнь, и смерть. Это сознаніе увеличило, удесетерило его физическія страданія. Онъ стоналъ и метался и обдергивалъ на себѣ одежду. Ему казалось, что она душила и давила его. И за это онъ ненавидѣлъ ихъ».

На этомъ не кончается еще описаніе страшнаго суда. Иванъ Ильичъ много уступилъ, но не все. Главнаго не уступилъ. Его все еще продолжаетъ тянуть къ прошлому. Хотя онъ и видитъ, что возврата нѣтъ, что пришелъ конецъ, совсѣмъ конецъ, хотя онъ и убѣдился, что его прежняя жизнь была сплошной отвратительной ложью, закрывавшей отъ него истинную дѣйствительность, но онъ все-же бьется съ ней разбиться: неизвѣстное будущее кажется ему болѣе страшнымъ, чѣмъ дурное, но знакомое прошлое. Все еще хотя въ такомъ разжиженномъ видѣ остается признаніе, что «жизнь его была

хорошая». «И это-то оправданіе своей жизни цѣпляло и не пускало его впередъ и больше всего мучало его. *Вдругъ* какая-то сила толкнула его въ грудь, въ бокъ, еще сильнѣе сдавило ему дыханіе, онъ провалился въ дыру и тамъ засвѣтилось что-то». Послѣдній отчаянный прыжокъ въ неизвѣстность — то дерзновеніе, на которое не могъ отважиться самъ Иванъ Ильичъ, сдѣлала за него вдругъ какая-то другая сила. Не прошлыя «заслуги», не собственная «воля», не проникаемость «разума» вырвали Ивана Ильича изъ общаго всеѣмъ — сперва столь «пріятнаго», потомъ въ такой же мѣрѣ ужаснаго міра. Какъ переходъ нашъ отъ небытія въ бытіе происходитъ безъ нашего участія и предполагаетъ властное, можетъ насильственное вмѣшательство загадочнаго fiat, такъ и переходъ отъ жизни къ смерти не можетъ произойти «естественно» и является непостижимымъ, а потому столь страшнымъ случайнымъ нарушеніемъ обычнаго строя нашего существованія. Одиночество, оставленность, непроглядная тьма, хаосъ, невозможность предвидѣній и полная неизвѣстность — можетъ *это* принять человекъ? Можно ли надѣяться и идти впередъ тому, кто видѣлъ своими глазами то, что пережилъ Иванъ Ильичъ?

VIII.

Черезъ десять лѣтъ послѣ «Смерти Ивана Ильича» Толстой написалъ «Хозяина и Работника». Оба разсказа по своему внутреннему содержанію такъ близки другъ другу, что при всемъ ихъ внѣшнемъ несхождствѣ кажутся разными вариантами на ту-же тему. Видно, одна мысль, одна загадка неотступно стояла предъ Толстымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ выбитъ изъ обычной жизненной колеи описанными имъ въ «Запискахъ Сумасшедшаго» безпричинными страхами. Если правъ Платонъ, что философы *οὐδὲν ἄλλο ἐπιτηδεύουσιν ἢ ἀποθνήσκειν καὶ τεθνήκειν* — ни къ чему иному не стремятся, какъ къ умираиію и къ смерти,

то нужно признать, что мало кто изъ нашихъ современниковъ такъ всецѣло отдавалъ себя философіи, какъ Толстой.

Въ обоихъ разсказахъ Толстой представляетъ намъ человѣка сперва въ обычныхъ, всѣмъ знакомыхъ и всѣми принятыхъ условіяхъ существованія и затѣмъ, почти внезапно — въ «Хозяинѣ и Работникѣ» приготовленной еще меньше, чѣмъ въ «Смерти Ивана Ильича» — переноситъ его въ то одиночество, полнѣе котораго нѣтъ ни на днѣ морскомъ, ни подъ землею. Василій Андреевичъ Брежуновъ, 2-й гильдіи купецъ, деревенскій богачъ, гордый и собой и нажитымъ собственнымъ умомъ состояніемъ — то, что англичане называютъ *self-made man*. Всѣмъ, что у него есть — а у него есть, по его убѣжденію, много, очень много хорошаго — онъ обязанъ только себѣ самому, своимъ дарованіямъ и своей энергіи. Людей, которые не умѣли проложить себѣ дорогу въ жизни, онъ искренно презираетъ: неудачливость и негодность въ его глазахъ — синонимы. Онъ повторитъ, пожалуй, за другими: на Бога надѣйся, но самъ не плошай. Но въ его устахъ это значитъ: Богъ *обязанъ* помогать тому, кто не складываетъ рукъ. Если бы у него было богословское образованіе, онъ бы сказалъ: *liberati quod in e est Deus infallibiter dat gratiam*. И возсталъ противъ тѣхъ, кто утверждаетъ: *deum necessariam non posse*. Теперь онъ по-латыни не знаетъ и выражаетъ тѣ-же мысли по-русски, но не менѣе точно и опредѣленно. Настоящій человѣкъ это тотъ, у кого есть средства и Бога къ себѣ расположить. Молебны, чудовыя свѣчи — слабому мужичекѣ, въ родѣ его же работника, Никиты, съ трудомъ добывающему гроши для необходимаго — это не доступно. А онъ, Василій Андреевичъ, все можетъ. Онъ обезпечилъ себѣ, своимъ умомъ и своими силами, благополучіе здѣсь и спасеніе — тамъ.

Сознаніе своей глубокой правоты, даже своего призванія никогда не покидаетъ его. Онъ и мошенничаетъ

съ убѣжденіемъ. „За два дни до праздника, съ котораго начинается разсказъ, Марѳа (жена работника Никиты) прїѣзжала къ Василию Андреевичу и забрала у него бѣлой муки, чаю, сахару и осьмуху вина — всего рубли на три, да взяла еще рублий пять деньгами и благодарила за это, какъ за особую милость, тогда какъ по самой дешевой цѣнѣ за Василиемъ Андреевичемъ было рублий 20. — Мы развѣ съ тобой уговоры какіе дѣлали? говоритъ Василій Андреевичъ Никитѣ. Нужно — бери, зависишь. У меня не какъ у людей: подожди, да расчесть, да штрафы. Мы по чести. Ты мнѣ служишь, и я тебя не оставляю. — И, говоря это, Василій Андреевичъ былъ искренно увѣренъ, что онъ благодѣтельствуетъ Никитѣ: такъ убѣдительно онъ умѣлъ говорить и такъ всё, зависящіе отъ его денегъ люди, начиная съ Никиты, поддерживали его въ томъ убѣжденіи, что онъ не обманываетъ, а благодѣтельствуетъ имъ“.

Толстой настойчиво подчеркиваетъ этотъ даръ Василія Андреевича убѣждать себя и другихъ въ своей правотѣ и справедливости. Даръ драгоценный — ему Василій Андреевичъ былъ всёю обязанъ. Черезъ нѣсколько страницъ предъ нами еще одинъ образецъ брехуновскаго таланта. Брехуновъ пыгается спустить Никитѣ никуда не годнаго коня.

— Что-жь, берите безкостречнаго, дорого не положу! — покричалъ Василій Андреевичъ, чувствуя себя возбужденнымъ и потому нападая на свое любимое занятіе, барышничество.

— А то рубликовъ пятнадцать дадите, я на конной кулю, — сказали Никита, знавшій, что красная цѣна безкостречному, котораго ему хочется сбыть Василій Андреевичъ, рублий семь, а что Василій Андреевичъ, отдавъ ему эту лошадь, будетъ считать ее рублий въ двадцать пять и тогда за полгода не увидишь у него денегъ.

— Лошадь хорошая. Я тебѣ желаю, какъ самому себѣ. По совѣсти. Брехуновъ никакого человѣка не обидитъ.

Пускай мое пронадеетъ, а не то, чтобъ какъ другіе. По часамъ прокричать онъ своимъ тѣмъ голосомъ, которыми онъ заговаривалъ зубы своимъ продавцамъ и покупателямъ — лошадь настоящая.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что Брехуновъ не заурядный человѣкъ. Въ его купеческомъ званіи его огромный талантъ владѣть собой и покорять людей направляется на скромное дѣло — барышничество. Но будь онъ поставленъ судьбой выше, имѣй онъ нужное образованіе, его голосъ, которымъ онъ заговаривалъ зубы покупателямъ и продавцамъ, пригодился бы на другое. Кто знаетъ, въ чемъ удалось бы ему убѣдить тѣ широкіе круги людей, къ которымъ онъ бы могъ тогда обращаться? Вѣдь тайна таланта въ умѣнши привлекать къ себѣ людей. И наоборотъ — успѣхъ, общее признаніе необходимое условіе для развитія таланта. Людямъ нужны вожди, вождемъ нужны люди.

Толстой знаетъ и это — онъ нарочно и выбралъ для своего разказа не перваго встрѣчнаго, а сильнаго умомъ и волей, въ своемъ родѣ вдохновеннаго человѣка. Его же онъ вырветъ изъ его естественной стихіи и вдругъ перенесетъ въ новыя условія — въ то одиночество, о которомъ мы уже знаемъ изъ «Смерти Ивана Ильича».

Брехунова сопровождаетъ Никита и замерзаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Но замерзаніе Никиты ни для насъ, ни для Толстого интереса не представляетъ. Можетъ и правъ Брехуновъ, когда онъ, собираясь покинуть на произволъ судьбы своего вѣрнаго работника, говоритъ: «Ему — все равно умирать. Какая его жизнь! Ему и жизни не жалко, а мнѣ, слава Богу, есть, чѣмъ пожить». Никита готовится умирать — какъ и жилъ онъ — тихо, съ той безмятежной покорностью, которая благодаря своей сѣрости и одноцвѣтности съ окружающимъ, покорнымъ вѣчнымъ законамъ міромъ, не даетъ человѣческому глазу никакого индивидуальнаго, могущаго быть схваченнымъ и зафиксированнымъ, впечатлѣнія. Что творится въ душѣ засыпаннаго снѣгомъ Никиты, когда кончается въ ней про-

цессъ жизни и начинается умирание—объ этомъ даже и Толстой не умѣть догадаться. Можетъ быть потому Никита выживаетъ, а умираетъ Брехуновъ. Толстому нужно было свести на очную ставку жизнь и смерть.

только такую жизнь, которая переливается черезъ край, которая вѣрять и въ себя, и въ свои священные права и не подозрѣваетъ, что ее на каждомъ шагу подстерегаетъ неумолимый и безмѣрно болѣе сильный, чѣмъ она, врагъ. Брехуновъ, даже послѣ того, какъ выяснилось, что дороги не найти и что нужно ночевать въ полѣ, не допускаетъ и мысли, что его разумъ и его талантъ, столько разъ вывозившіе его въ жизни, могутъ измѣнить ему; что черезъ нѣсколько часовъ выпадетъ изъ его окоченѣвшихъ рукъ та *potestas clavium*, которая давала ему гордое право съ такой же увѣренностью глядѣть въ будущее, какъ будто оно было бы настоящимъ.

Вотъ о чемъ думаетъ онъ въ то время, какъ плохо одѣтый Никита дремлетъ подъ падающимъ снѣгомъ, стараясь хоть какъ-нибудь защитить свое зябнущее тѣло отъ порывовъ разбушевавшагося вѣтра. Брехуновъ одѣтъ хорошо: ему еще тепло и онъ, памятуя прошлое, твердо знаетъ, что ему то всегда тепло будетъ.

...«При родителяхъ какой нашъ домъ быть? Такъ себѣ, деревенскій мужикъ богатый: рушка, да постоялый дворъ — и все имущество въ томъ. А я что въ 15 лѣтъ сдѣлать! Лавка, два кабака, мельница, сынка, два имѣнія въ арендѣ, домъ съ амбаромъ подъ желѣзной крышей, вспоминалъ онъ съ гордостью. Не то, что при родителѣ. Нынче кто гремитъ въ округѣ? Брехуновъ. А почему такъ? Потому — дѣло помню, стараюсь, не такъ, какъ другіе—лежни, али глухими занимаются».

Долго еще сочиняетъ Брехуновъ похвальное слово тому разумному и дѣятельному началу, которое одно является на землѣ источникомъ «добра» для людей. И еще разъ скажу: если бы Брехуновъ получили «высшее» образование, онъ бы могъ написать на эту тему превосходный философско-богословскій трактатъ, который бы гремѣть

не на округу, а на всю Россію, на всю Европу. Но тутъ мы переходимъ ко второй половинѣ разсказа, въ которой непредвидѣнная дѣйствительность вилотную подходитъ со своей критикой ненаписаннаго брехуновскаго трактата.

Среди своихъ размышленій Брехуновъ задремаль. «Но вдругъ точно что-то толкнуло и разбудило его. Мухортый-ли это дернулъ изъ подъ него солому или это внутри его что-то всколыхнуло его, только онъ проснулся, и сердце у него стало стучать такъ быстро и такъ сильно, что ему показалось, что сани трясутся подъ нимъ». Вотъ оно, когда начинается что-то, чего Брехуновъ, не смотря на свою долгую жизнь, огромный умъ и разносторонній опытъ, совершенно не подозрѣвалъ. Кругомъ безконечнос — по крайней мѣрѣ для него не имѣющее конца поле, снѣгъ, морозъ, вѣтеръ, обезсилившій, замерзающій Никита и трясущійся Мухортый. А внутри безмысленный, но властный, не отступающій ужасъ. «Что дѣлать, что дѣлать?» — Обычный вопросъ, всегда, представляющійся человѣку въ трудномъ положеніи, и теперь возникаетъ предъ Брехуновымъ — но онъ оказывается совѣтъ неумѣстнымъ. До сихъ поръ въ самомъ вопросѣ уже были элементы, изъ которыхъ складывался отвѣтъ, въ которыхъ были по крайней мѣрѣ намеки на возможность отвѣта. На этотъ разъ ничего подобнаго нѣтъ. Вопросъ исключаетъ всякую возможность отвѣта: *дѣлать* нечего. Брехуновъ не робкаго десятка. Онъ видывалъ всякіе виды на своемъ вѣку. И онъ всегда былъ готовъ бороться съ врагомъ, даже неравнымъ. Но тутъ было что-то такое, чего и нарочно не придумаешь. Врагъ былъ силы колоссальной и — это самое страшное — невидимый. Некуда направлять удары, не отъ кого защищаться. Разумъ Брехунова не можетъ допустить, чтобъ такое было возможнымъ. Еще часъ тому назадъ, когда остановились въ Гришкинѣ, все было такъ хорошо, естественно, понятно. Можно было самому говорить, слушать другихъ, пить чай, приказывать Ни-

китѣ, править Мухортымъ. А теперь дѣлать нечего — нужно смотрѣть и холодѣть. Гдѣ истина, гдѣ дѣйствительность — тамъ въ Гришкинѣ или здѣсь, въ полѣ? Гришкино навсегда перестало существовать, стало быть нужно усомниться въ его реальности? А вмѣстѣ съ тѣмъ и въ реальности всего стараго міра? Во всемъ усомниться — *de omnibus dubitandum*? Но развѣ великій Декартъ точно во всемъ усомнился? Нѣтъ — Юмъ быть правъ: кто однажды усомнился во всемъ, тому уже никогда не преодолѣть своихъ сомнѣній, тотъ навѣки уйдетъ изъ общаго вѣсма міра въ абсолютное одиночество своего міра особеннаго. *De omnibus dubitandum* — не годится, оно хуже, чѣмъ мятежь и снѣгъ, чѣмъ замерзающій Пикита, и трясущійся Мухортый.

Трезвый и сильный Брехуновъ можетъ быть впервые въ жизни пытается закрыть отъ себя мечтой надвигающуюся опасность. «Опять онъ началъ считать барыши, долги за людьми, опять сталъ хвастаться передъ собой и радоваться на себя и свое положеніе, но все теперь постоянно прерывалось подкрадывающимся страхомъ... Сколько онъ ни старался думать о своихъ расчетахъ, дѣлахъ и своей славѣ и своемъ достоинствѣ и своихъ богатствахъ, страхъ все больше и больше завладѣвалъ имъ». Вамъ странно, что Брехуновъ, какъ царь Соломонъ въ Экклезіастѣ, вспоминаетъ о своихъ дѣлахъ и о своей славѣ? Но того хотѣтъ Толстой — и онъ зналъ, чего хочетъ. Если-бы на мѣстѣ Брехунова оказался самъ великій царь, положеніе не измѣнилось-бы. «Дѣла и слава» не прибавляютъ силы Брехунову и не убавляютъ грозности у невидимаго врага. Пикитѣ, скромному и бѣзвѣстному, легче. «Умирали-ли онъ или засыпать, онъ не зналъ, но чувствовалъ себя готовымъ на то и на другое».

Вся жизнь его безъ дѣлъ и безъ славы пріучила его къ мысли, что онъ себѣ не хозяинъ, что спрашивать отчета и разбираться въ происходящемъ ему не полагается. Прежде ничего не понималъ и теперь ничего не

понимаетъ: разницы большой нѣтъ. Не то Брехуновъ. Онъ привыкъ быть самъ себѣ господиномъ и требуетъ себѣ ясныхъ и отчетливыхъ сужденій; всякая неопредѣленность для него невыносима. Жить въ неизвѣстности—значить жить подъ чужой властью, которая захочетъ—казнить, захочетъ—помиловать... Можно-ли на нее полагаться? И зачѣмъ она будетъ миловать? Навѣрное казнить. Никому и ничему нельзя вѣрить—только самому себѣ. Во всякомъ случаѣ, прежде, чѣмъ вѣрить—нужно спросить (вы, конечно, не удивитесь, что Брехуновъ заговорить по-латыни и процитуетъ бл. Августина: вѣдь это не болѣе естественно, чѣмъ все остальное, что съ нимъ произошло) — *cui est credendum?*

И Брехуновъ, въ послѣдній разъ, собравъ всѣ свои силы, твердо заявляетъ: этой тишинѣ, этой оставленности, этой мятели, трясущемуся Мухортому, полузамерзшему Никитѣ, этой безлюдной, холодной, мертвой пустынѣ, этому безбрежному, пустому Ничто—ни за что въ жизни не повѣрю. Еще разумъ живъ въ немъ; онъ, который всегда училъ, что дѣлать, и теперь научить—на то онъ разумъ. Еще есть отвѣтъ, хотя ложный страхъ и подкашиваетъ, что нужно сдаваться.

Брехуновъ рѣшается, бросивъ Никиту, попытать свое счастье и отправиться, верхомъ на Мухортомъ, искать дорогу.

Рѣшеніе разумное, что и говорить: единственное разумное рѣшеніе: вѣдь не замерзаетъ же, въ самомъ дѣлѣ, какъ собакѣ ему, Брехунову, столько лѣтъ удивлявшему Россію, Европу, весь міръ своими кабаками, ссыпками, домами и амбарами подъ желѣзными крышами!

Брехуновъ дѣлаетъ послѣднюю отчаянную попытку сразить невидимаго врага. Но то, что онъ дѣлать, что ему пришлось дѣлать, уже ни на какое дѣланіе не походило. Онъ погонялъ лошадь, покорно шедшую туда, куда онъ ее направлялъ—но твердость мысли, которую онъ зналъ въ себѣ и на которую привыкъ полагаться, измѣ-

нила ему. Самъ того не замѣчая, онъ непрерывно мѣнялъ направленіе. Все пугало его, онъ дрожалъ больше отъ страха, чѣмъ отъ холода, отъ страха, совершенно нелѣпаго, безпричиннаго — предъ торчавшимъ изъ поля сѣнга чернобыльникомъ и. т. п. Все принимало въ плачахъ растерявшагося Брежунова фантастическія очертанія: онъ попалъ въ условія, до такой степени противныя его положительной, разумной природѣ, что все казалось дико бессмысленнымъ, какъ въ сказкѣ или мифѣ. Но, гдѣ правда, — въ томъ-ли старомъ мірѣ, и у стараго разума, гдѣ все спокойно и понятно, или здѣсь? Прежде ни въ бурьянѣ, ни въ чернобыльникѣ не было ничего ни враждебнаго, ни пугающаго, ни таинственнаго. Они служили человѣку для его же пользы. Что это за новая сила сказала въ нихъ? Отчего они пугаютъ? И не они одни: все въ этой огромной, мрачной пустынѣ было населено фантастическими призраками — о которыхъ прежде было доподлинно извѣстно, что ихъ вовсе нѣтъ и не можетъ быть на свѣтѣ. «Вдругъ какой-то страшный крикъ раздался около его ушей, и все задрожало и затрепетало подъ нимъ. Василій Андреевичъ схватился за шею лошади, но и шея у лошади вся тряслась, и страшный крикъ сталъ еще ужаснѣе. Нѣсколько минутъ Василій Андреевичъ не могъ опомниться и понять, что случилось. А случилось только то, что Мухортый, ободряя себя или призывая кого на помощь, заржалъ своимъ громкимъ, залившимся голосомъ: Тыфу ты пропасть! напугалъ какъ проклятый, сказалъ себѣ Василій Андреевичъ. Но и понявъ истинную причину страха, онъ все-же не могъ разогнать его». Последнее средство уходить — страхъ становится властнымъ, опредѣляющимъ началомъ. Даже, когда находятся «объясненія», которыми прежде заговаривались все страхи и сомнѣнія — они не успокаиваютъ и не помогаютъ. «Надо одуматься, остепениться» — взывать Брежуновъ, но напрасно. Онъ уже переступилъ роковую черту, его уже навсегда оторвало отъ берега, отъ твердой земли,

съ ея порядкомъ, законами и выработанными методами разысканія истины. Объяснить онъ или не объяснить себѣ, что чернобыльникъ или бурьянъ только невинныя растенія и что «страшный [крикъ]» — только ржаніе Мухортаго, — призраки, населяющіе пустыню, не исчезнуть. Да и вѣрны-ли всѣ эти объясненія? Не свойственна-ли въ самомъ дѣлѣ черному кусту таинственная сила, до сихъ поръ скрывавшаяся отъ пронизательности Брехунова?...

Брехуновъ свалился съ лошади въ сугробъ — лошадь скрылась изъ виду и оставила его совсѣмъ одного въ глубокомъ снѣгу. «Роща, валухи, аренда, кабаки, желѣзомъ крытый домъ и амбаръ, наслѣдникъ, — подумалъ онъ, какъ-то все это останется? Что-жъ это такое? Не можетъ быть — мелькнуло у него въ головѣ. И почему-то ему вспомнился мотавшійся отъ вѣтра чернобыльникъ, мимо котораго онъ проѣзжалъ два раза, и на него на-шелъ такой ужасъ, что онъ не вѣрилъ въ дѣйствительность того, что съ нимъ было. Онъ подумалъ: не во снѣ-ливсе это? и хотѣлъ проснуться, но просыпаться некуда было». Онъ пробовалъ припоминать всѣ тѣ теоріи познанія, которыя еще нѣсколько часовъ тому на-задъ давали ему возможность съ увѣренностью отличать дѣйствительность отъ фантазматрѣн, явь — отъ сна но прежде ясныя и опредѣленные принципы стерлись и совсѣмъ не годились для руководства. Ничего они не раздѣляютъ, ничему не учатъ и выручить не могутъ. Тогда онъ бросилъ эти свѣтскія теоріи и вспомнилъ, что у него въ распоряженіи есть еще одинъ ресурсъ, къ которому онъ до сихъ поръ, за ненадобностью, еще ни разу серьезно не обращался, оставляя его про за-пасъ, на крайній случай. «Царица Небесная, святителю отче Миколае, воздержанія учителю, — вспомнилъ онъ вчерашніе молебны и образъ съ чернымъ ликомъ въ золотой ризѣ и свѣчи, которыя онъ продавалъ къ этому образу и которыя тотчасъ ему приносили назадъ и ко-торыми онъ, чуть обгорѣвшія, пряталъ въ ящикъ. И онъ

стать просить этого самого Николая Чудотворца, чтобы онъ спасъ его, обѣщать ему молебень и свѣчи. Но тутъ-же онъ ясно, несомнѣнно понялъ, что этотъ ликъ, риза, свѣчи, священникъ и молебны — все это было очень важно и нужно тамъ, въ церкви, но что здѣсь они ничего не могли сдѣлать ему, что между этими свѣчами и молебнами и его бѣдственнымъ теперешнимъ положеніемъ нѣтъ и не можетъ быть никакой связи.

Но съ чѣмъ изъ того, что было прежде, можно связать эту новую дѣйствительность? Такое, если бывало прежде, то только во снѣ. Твердый и сильный умъ Брехунова не можетъ ничего придумать. Потерявшійся среди непривычныхъ условій сна на яву, онъ мечется, какъ безумный, и дѣлаетъ прямо противоположное тому, что могло-бы ему быть полезнымъ. «Надо не унывать», «только не торопиться» — повторяетъ онъ себѣ когда-то затверженный и всегда оправдывавшія себя правила разумнаго поведенія и методологическаго исканія, но все больше и больше ужасается и, вмѣсто того, чтобы, слѣдуя правиламъ, спокойно и внимательно отыскивать дорогу, пускается бѣжать, падаетъ, встаетъ, опять бѣжить, выбивается изъ силъ. Такъ добѣгаетъ онъ, совершенно случайно, до саней, въ которыхъ лежитъ замерзающій Никита. Тутъ сперва онъ, по старой привычкѣ, начинаетъ проявлять обычную хозяйственную распорядительность. Но внезапно съ нимъ происходитъ загадочная, совершенно невыводимая, говоря школьнымъ языкомъ философовъ, изъ его эмпирическаго характера, перемѣна.

Предъ умирающимъ, какъ ему казалось, Никитой, предъ лицомъ неизбѣжной смерти Брехуновъ рѣшается совершенно порвать со всѣмъ своимъ прошлымъ. Откуда явилось такое рѣшеніе и что оно значитъ, Толстой не объясняетъ и, нужно думать, хорошо дѣлаетъ. Ибо всякая попытка объяснить, т. е. связать съ извѣстнымъ человѣческія устремленія къ неизвѣстному, безусловно недопустима. Вѣдь разрывъ есть «бѣгство», выражаясь

языкомъ Платона и Плотина отъ «извѣстнаго» — объясненіе же, какъ восстановленіе разорванныхъ связей и путь можетъ знаменовать только желаніе удержать человека на прежнемъ мѣстѣ, помѣшать ему выполнить свое предназначеніе. «Василій Андреевичъ, рассказываетъ Толстой, съ полминуты постоялъ молча, но потомъ *вдругъ* съ той же рѣшительностью, съ которой онъ ударялъ по рукамъ при выгодной покупкѣ, онъ отступилъ шагъ назадъ, засучилъ рукава шубы и принялся отогрѣвать замерзающаго Никиту». Брехуновъ «*вдругъ*» — подите, объясните все эти «внезапно» и «вдругъ», которыми «мотивируются» рѣшенія покидающихъ «общій для всѣхъ мѣръ» людей — снизошедшій съ высоты своей славы до отогрѣванія ничего не стоящаго Никиты: вѣдь это явно наглядная несообразность. Но тутъ все же еще хоть немножко лидѣнь прежній Брехуновъ: чувствуется потребность что-нибудь «дѣлать», чтобъ не глядѣть прямо въ лицо *ей*. Даже въ словахъ, обращенныхъ къ Никитѣ, мы различаемъ нѣсколько старыхъ нотъ хвастовства и самовозвеличенія. Брехуновъ автоматически пытается обойти по своей манерѣ неизбежное. Онъ все еще боится выпустить изъ своихъ дрожащихъ рукъ *pote tas clavées*, уже явно ему не принадлежащую.

— А вотъ то-то, а ты говоришь — помирать. Лежи, грѣйся, мы вотъ какъ... — началъ было Василій Андреевичъ.

Но дальше въ такомъ тонѣ Брехуновъ не могъ продолжать.

И это «свое» дѣло пришлось выбросить за бортъ. «Мы вотъ какъ» прежде годилось, теперь, по рѣшенію самодержавнаго «вдругъ», оно уже не годится, хотя бы оно вѣнчало собою и великое самопожертвованіе. Нужно другое, совсѣмъ другое.

«Дальше, къ своему великому удивленію, онъ не могъ говорить, потому что слезы выступили на глаза, и нижняя челюсть быстро запрыгала. Онъ пересталъ говорить и только глоталъ то, что подступало ему къ горлу.

Настрадался и видно, ослабъ вовсе, подумаль онъ про себя. Но слабость эта не только не была неприятна, но доставляла ему какую-то особенную, не испытанную еще никогда радость».

Эта радость о своей слабости у Брехунова, всю жизнь, согласно законамъ «общаго всѣмъ міра» радовавшагоса о своей силѣ, убѣжденнаго, что только и можно радоваться о силѣ, оспаривавшаго во имя этого убѣжденія даже у Неба *potestas clavium* — власть вязать и рѣшать— и есть начало того чуда превращенія, вѣчно загадочнаго и непонятнаго, которое на человѣческомъ языкѣ называется смертью. Брехуновъ, по словамъ Толстого, дѣлаетъ еще попытки вернуться на мгновеніе въ свою прежнюю стихію, сгавить кому-то на видъ, что онъ спасаль Никиту, жертвовать своей жизнью, но эти вспышки прежняго «сильнаго» сознанія, сгавовятся все болѣе и болѣе короткими и, наконецъ, совершенно гаснутъ. Остается одна великая радость о своей слабости и свободѣ. Онъ уже не боится смерти: сила боится смерти, слабости этотъ страхъ чуждъ. Слабость слышитъ, что ее зовутъ — зовутъ куда-то, гдѣ она, такъ долго гонимая и презираемая, найдетъ себѣ, наконецъ, послѣднее убѣжище. Брехуновъ торопливо и восторженно отказывается и отъ кабаковъ своихъ, и отъ амбаровъ, и отъ ссыпки и отъ тѣхъ всѣхъ великихъ идей своихъ, вплоть до *potestas clavium*, которыя онъ накопилъ въ своей душѣ и которыя возиѣтели міру другіе, ученые Брехуновы. И тогда открылась ему великая тайна. «Иду, иду, радостно, умиленно говорило все существо его. И онъ чувствуетъ, что онъ свободенъ, и ничто уже его больше не держитъ». И онъ пошелъ, вѣрнѣе вознесся на своей «слабости», какъ на крыльяхъ, не зная, куда его принесетъ — вознесся въ непонятную, страшную для людей послѣднюю, вѣчную ночь.

Конецъ «Хозяина и Работника» оказался пророческимъ. И Льву Николаевичу пришлось окончить свои дни въ глухой степи, среди снѣга, вьюги и мятелей.

Того хотѣла судьба. Слава о великихъ дѣлахъ Толстого еще при жизни его обошла весь міръ. И, все-таки, вскорѣ послѣ своего 80 лѣтняго юбилея, о которомъ говорили такъ много на всѣхъ языкахъ всѣхъ пяти частей свѣта — такой чести до Толстого не удостоивался никто изъ смертныхъ — онъ бросаетъ все и темной ночью бѣжитъ изъ дому, не зная куда и не зная зачѣмъ. Его подвиги, его слава — все опостылѣло ему, все стало тяжелымъ, мучительнымъ, невыносимымъ. Кажется, что дрожащей и нестерпливой рукой срываетъ онъ съ себя маститость — и нависшія надъ впалыми глазами брови, и старческую бороду, всѣ внѣшнія символы мудрости и учительства. Чтобъ предстать съ легкой или хоть облегченной душой предъ послѣднимъ судьей — ему пришлось забыть и отречься отъ всего своего великаго прошлаго. Таково откровеніе смерти: «тамъ на землѣ все это было важно, здѣсь-же нужно другое».

Φέρουμεν δὲ φίλον αἰ: πατρίδα... Πατρίς δὲ ἡμεῖς ὅθεν παρήγομεν, καὶ πατὴρ ἐν αὐτῇ.
 Бѣжимъ въ дорогое отечество! Отечество же наше тамъ, откуда мы пришли, тамъ же и отецъ нашъ.*)

Л. Шестовъ.

*) Плотинъ. I.6.8.